

Берег реки Оман. Пять больших джонок рода Сяо, а также один большой корабль, принадлежащий царствующему дядюшке Цин Чжану, отправились к столице Тун.

И хоть ни один корабль в мире не шёл ни в какое сравнение с судами рода Сяо, однако царственная джонка Цин Чжана была выше на два этажа и с очень широкими палубами глубиной в пятнадцать-шестнадцать чжанов, так что судно считалось огромным и роскошным.

В течение нескольких дней путешествия Цин Чжан получал вежливые приглашения от Фэн Мина, который хотел с ним как обычно поболтать у себя на борту. Хоть мужчина и являлся крайне влиятельной особой страны Тун, однако, к удивлению, соблюдал всевозможные правила личной защиты Фэн Мина, даже приказывал сопровождающим его приближённым не носить с собой оружия. С радостью претерпевая проверку охраны рода Сяо, Цин Чжан даже позволил Ло Юню обыскать себя, намеренно демонстрируя вид «у меня нет никаких дурных намерений в отношении князя Мина».

Действительно, при Цин Чжане и его свите оружия не оказалось, но это никак не отменяло обыска, к тому же в присутствии личной охраны Его Светлости никто из гостей не мог нанести даже малейшего вреда Фэн Мину. Подобное поведение очень нравилось как Ло Юню, так и Жун Ху, поскольку это облегчало их работу, не более.

За эти несколько дней враждебность множества людей по отношению к Цин Чжану несколько поубавилась, в отличие от первых дней их встречи.

И поскольку Цин Чжан часто наносил визиты, Его Светлость больше всего боялся, что Ле Чжунши и Ле Доу, два весельчака, случайно скажут: «А голова Вашего государя здесь, у князя Мина», потому за время их короткого пути ни в коем случае нельзя было допускать появления этой парочки, а тем более их участия в разговоре. Парочка повиновалась и действительно покорно вернулась на третью джонку, где хранились сокровища семьи Сяо и особенно много оружия, что являлось для них просто раем.

Сегодня же после полудня Цин Чжан, как обычно, пришёл к Фэн Мину. Как раз тогда, когда сопровождающий корабль по суше Чжуан Пу, подойдя к поверхности реки, докладывал Цин Чжану о всеобщей обстановке — он так делал раз в три дня — Фэн Мин, воспользовавшись случаем, пригласил их вместе отужинать.

Цю Лань, отвечающая за приготовление банкетного стола, учла гостей и ночную погоду, которая должна была стоять хорошей, и заботливо перенесла пиршество на палубу, которую до этого приказала дочиста вымыть, затем расстелила большой и широкий ковёр, а уже потом, согласно традициям Тун, устроила на нём банкет.

Фэн Мин тихо дал наставление:

— Нужно не забыть положить побольше подушек, как это заведено у них в Тун. Если случайно Цин Чжан опять начнёт безостановочно болтать, то я хоть прилягу и вздремну чуток.

На что Цю Лань сказала со смехом:

— Банкет ещё не начался, а князь Мин уже думает о сне. Не беспокойтесь, подушки уже готовы, специально принесли большие, но очень мягкие. Ручаюсь, спать на таких будет весьма удобно.

Что же касается блюд, ни одна императорская кухарка не шла ни в какое сравнение с заботливыми ручками Цю Лань.

Цин Чжан ел с аппетитом, неоднократно восхваляя, и если можно было бы, то кто знает, заплатил бы авансом, зазывая Цю Лань стать его главным поваром, более того, даже серьёзно относящийся к речам и смеху генерал Чжуан Пу также восторгался яствами, а отведав «фирменного» блюда Цю Лань — «обжаренное в масле дофу»[1] — мужчина чуть язык не откусил.

Также неудивительно, что после того, как Фэн Мин, этот третьесортный учитель, лично её научил, Цю Лань, опираясь на природное мастерство, старания и обдумав способ приготовления, намучилась, но всё же смогла создать такое блюдо из дофу, которое, вероятно, могла готовить только она и никто больше во всей Поднебесной.

Ло Юнь вместе с Жун Ху, как обычно напоминая мэнь-шэнь[2], сели позади князя — один с правой, другой с левой стороны.

Наевшись до отвала, гости приступили к очередной рутинной беседе. Цин Чжан больше всего любил поболтать, Фэн Мин же сильно переживал, что царствующий дядюшка, у которого слюны, в отличие от реки Оман, было много, неизвестно когда закончит говорить, если откроет рот. Но, к счастью, сегодня вечером, вероятно, из-за присутствия генерала Чжуан Пу, Цин Чжан поднял весьма интересную тему — военное искусство.

— Что касается военного искусства, крайне интересным человеком был в те годы знаменитый на всю Поднебесную юнъяньский генерал Вэй Цянь. — Совершенно не интересующийся ни женщинами, ни вином, генерал Чжуан Пу питал слабость к военному искусству, конечно же, с точки зрения военного человека.

Как только слова стихли, каждый согласился с его мнением. Действительно, никто не смел возразить против славного имени Вэй Цяня.

Чжуан Пу, выпив сегодня вечером пару чашечек как вина, так и чая, совершенно не изменился в лице, которое даже не покраснело, а, наоборот, было бледным и выглядело проще, чем обычно. Говоря о Вэй Цяне, мужчина невольно вздохнул от досады:

— К сожалению, царствующий род Юнъянь не подбирает людей и не нуждается в слугах. Такого талантливого полководца, оказывается, не знали как ценить, в итоге потомки генерала Вэй Цяня оказались выброшены и бесполезны. А военное искусство генерала Вэй с тех пор

потерялось. И по сей день каждый уважаемый генерал лишь при простом упоминании об этом вздыхает.

Цин Чжан кивнул:

— Да, генерал Чжуан тоже искусный полководец, взволновал, конечно, глубокой ночью.

Понимая, что способность пить у него слишком маленькая, Фэн Мин не осмелился притронуться к вину, потому после еды приказал Цю Син отдельно взять чашечку и подать перед ним горячий чай. Беззаботно откинувшись назад на подложенную под голову высокую подушку[3], князь слушал, что говорит Чжуан Пу, поддерживая каждое сказанное им слово и кивая со словами «ага», после чего переглядывался с Жун Ху и неслышно смеялся исподтишка.

Военное искусство генерала Вэй Цяня сейчас серьезно изучал Цянь Линь, учителем которого являлась ещё и Вэй Цюнян. Ведь это всё равно, что превосходный и выдающийся солдат, имеющий потенциал, приобрёл самую редкую книгу в Поднебесной, да ещё и последовал за лучшим учителем и спустился с гор[4]. Разве это не напугает до смерти народ Поднебесной?

Подумав об этом, князь почувствовал себя вполне удовлетворённо.

И всё благодаря этому проблемному министру — Ле Чжунлю. При мысли о нём князь тотчас же невольно подумал ещё кое о ком.

«Нет, нет, нет, ни в коем случае нельзя думать, иначе этим мыслям конца и края не будет, а если о нём узнают, то, боюсь, станут шутить над безвольностью Моей Светлости, который, словно женщина, привязался и думает о нём непрерывно. Не думать! Не стоит думать...»

— Князь Мин?

Молчание в ответ.

— Князь Мин?

Почувствовав лёгкую боль в спине, что появилась «благодаря» сидящему сзади Ло Юню, который очень быстро ткнул Его Светлость, заставляя князя высвободиться из собственных мыслей, Фэн Мин поднял голову и с лёгкой улыбкой посмотрел на Цин Чжана:

— На мгновение увидев огни рыболовных джонок, что осветили поверхность реки, я неожиданно потерял разум. Что только что спрашивал царствующий дядюшка?

Когда он откинулся на мягкую подушку, а длинные волосы тихо ниспадали вниз, князь, будучи

спокойным и самодовольным, выглядел необычайно прекрасно, однако сейчас, когда ещё и улыбнулся, с ярко сверкающими глазами, взгляд которых был устремлён в ночное небо, выглядел действительно изящно и соблазнительно.

Даже постоянно думающий о загадочной красавице по имени Ло Цяньцян Цин Чжан, невольно почувствовав, как сердце пропустило удар, в душе понял, что внешность князя Мина из Силэй, можно сказать, недурна.

Мужчина, придя в себя и прочистив горло, мягко проговорил:

— Я подумал... Позвольте спросить князя Мина, в военных трактатах чаще говорится: самое важное в ведении боя — провиант и корм для лошадей, ведь без продовольствия удача отвернется и у войны будет самый наихудший исход. Хм, я приведу один пример: если сейчас князь Мин, как действующий генерал, возглавит несколько тысяч или несколько сотен тысяч людей и отправится в путь, а провиант скоро кончится, как тогда поступит князь Мин? — Цин Чжан внезапно остановился и дружелюбно посмотрел на Его Светлость. — Будучи в Тунцэ, мне часто доводилось слышать о мудрости князя Мина, он превосходно высказывался по поводу многих вопросов.

В душе князь поджал губы.

«Но я ведь не генерал, военное искусство генерала Вэя мне никто не преподавал, на самом деле я жалкий и простой студент, так почему же мне так «везёт» становиться объектом подобных вопросов? Это лишь Лао-цзы позволил мне носить высокую шапку[5]. Ах, как придумать «превосходное высказывание»? В данную минуту я занимаю положение силэйского князя, который недавно стал молодым господином рода Сяо, если не отвечу, то потеряю сразу два лица[6]. А если Ле Чжунлю узнает об этом, то посчитает меня никчемным размазнёй».

Бормоча в душе, князь Мин по-прежнему сохранял на лице невозмутимо[7] праздный вид и, притворившись задумчивым, спросил:

— Если в пути настигнет продовольственный кризис, можно, проезжая мимо селений, закупиться?

Конечно же, очень любивший сложные вопросы, касаемые военного дела, Чжуан Пу, услышав предположение Фэн Мина, тотчас же обнажил крайне заинтересованный вид, а в данный момент махнул рукой, с насмешкой говоря:

— Для такой огромной армии, допустим, в деревне купите зерно, но его, безусловно, не хватит.

На что Фэн Мин подумал: «Я догадался, что если так хорошо решается этот вопрос, то вы не заинтересуетесь моей княжеской "мудростью"».

На лице расцвела улыбка, а взгляд медленно скользнул, перемещаясь на царствующего дядюшку, и князь тихо проговорил:

— Прежде чем я скажу свой ответ, хочу сначала попросить царствующего дядюшку поведать о своём способе.

Цин Чжан не ожидал, что вопрос вернётся к нему, и, не удержавшись от смеха, сказал:

— Я никогда не вёл войска на войну, откуда мне знать, что это за способ? По-моему, раз столько людей в пути, то провиант может закончиться. Наверняка понадобится отвести войска, так как сражение на грани голода разве не приведёт к поражению?

— Не совсем верно, на самом деле, если в пути настигла нехватка продовольствия, обычно это дело полумесяца или месяца, поскольку рано или поздно мы можем добраться до большого города, где нас снабдят достаточным количеством зерна, — заговорил убедительно по всем правилам Чжуан Пу и крайне серьёзно добавил: — Но самое сложное — если у войска произошла нехватка продовольствия, то боевой дух неизбежно придёт в смятение, там не только половина месяца, даже три-четыре дня покажутся тяжёлыми. Не исключена вероятность, что солдаты, не поев день, могут создать проблемы. Стоит только выдержать некоторое время, тогда выдержишь всё.

— Э? — слегка выдохнул Фэн Мин и с видом «всей душой готов к общению» покорно поинтересовался: — Прошу генерала Чжуан Пу рассказать: если генерал во время похода сталкивался с подобной проблемой, то какие меры смогли предпринять? — Его манера задавать вопросы была настолько потрясающей, что людей не охватывало негодование и не создавалось впечатление, что князь чего-то не знает, так как он казался крайне уверенным в своих знаниях.

И только Жун Ху, этот приближённый, знал его лучше кого бы то ни было — заметив его кажущийся уверенным вид, понимал: возможно, у Его Светлости в голове нет ни одной мысли.

Чжуан Пу, в свою очередь, рассчитывая честно озвучить собственное мнение, выпрямился на месте и с серьёзностью ответил:

— При встрече с подобной ситуацией первым делом необходимо заставить главного по продовольствию подчинённого сократить паёк рядовых солдат, таким образом запас зерна можно растянуть на несколько дней.

— Угу, — кивнул Фэн Мин, — разумно.

— Затем нужно следить за солдатами на случай если кто-нибудь пожелает поднять шум, тогда приказываем строго наказывать этого человека во избежание мятежа.

Соответствуя положению и исполняя роль хозяина, Фэн Мин продолжил кивать:

— Это и впрямь необходимо, ведь самое пугающее в солдатских рядах — мятеж, вот только одного строгого наказания, приводящего к повиновению, может быть недостаточно.

— Конечно, — сказал Чжуан Пу со смехом. — Являясь генералом, необходимо развивать боевой дух, потому как я могу приводить к повиновению? Вместе с этим я отдаю приказ для каждой дивизии, в котором объясняю критическое положение с продовольствием, а также обещаю после большой битвы прибавить награду. Подобного рода шаги делаются одновременно, и тогда солдаты, возможно, смогут со мной разделить радости и горе, претерпевая выпавшее на всех нас временное затруднение.

Когда заговорили об этом, на лице Чжуан Пу невольно появилась шелковинка самодовольства, настроение поднялось, а в мыслях вспомнилось:

— В те годы, когда шла война на острове Цзинсунь[8], я столкнулся с подобной проблемой. Нехватка еды в морских сражениях страшнее, чем нехватка еды в сухопутных боях, и вокруг ни одного селенья, где можно было запастись продовольствием. Но я, опираясь на эти три пункта, укрепил боевой дух, и тогдашнее продовольствие, даже если приходилось голодать, растянули на десять дней. К счастью, на восьмой день мы встретились с хлебной джонкой[9], которую отправил нам Его Величество.

Чжуана Пу, держащего в руках контроль над армией, Цин Чжан очень уважал и, не упустив возможности, поддержал:

— Генерал Чжуан в первую битву на Цзинсунь действительно был бесподобен. Если бы генерал Чжуан не отправился на остров Цзинсунь, то, боюсь, там до сих пор царила бы война. Нехватка провианта — это одно, я в те годы, находясь в столице, много слышал, что положение, вне всяких сомнений, было очень критичным, ах, и только генералу Чжуану удалось разрешить всё надлежащим образом. Вот только даже при отсутствии еды то, что создавало проблемы, генералу удалось решить, победить и вернуться живым. Если бы был жив генерал Вэй, то поступил бы так же в подобной ситуации.

— Не осмелюсь. — И Чжуан Пу благоговейно добавил: — Где уж Чжуану Пу сравниться с генералом Вэем. Вот только интересно, встречался ли князь Мин с нехваткой продовольствия и как уладил подобное дело? — И перевёл взгляд на Фэн Мина.

Фэн Мин мысленно закатил глаза: «Я никогда не вёл армию на войну и за сто восемьдесят тысяч ли[10] меня не постигала Ваша уча-ась!»

Тем более множество взглядов теперь пали на него, не говоря уже об увлечённо желающем услышать ответ Цин Чжане и серьёзном Чжуан Пу, и лишь Цю Лань и близняшки, что сейчас смотрели на него со стократной уверенностью, не позволяли ему безвыходно проронить «не знаю». Следовательно, если в будущем он переродится, ни в коем случае не стоит «выходить на сцену», иначе его наградят титулом «мудрый». Хоть убей, но нужно притворяться глупцом,

дабы не поймали и не просили целыми днями высказать своё «высокое мнение».

Всё, что он надумывал сказать, только что было озвучено Чжуан Пу, и если поразмыслить, даже пробелов, которые можно было заполнить, не осталось.

К тому же самое возмутительное, что нельзя взять и подвести Жун Ху, чтобы тот ответил за него. Сохраняя на лице полную уверенности улыбку, князь, вытянув руку, взял стоящую перед ним чашечку чая. Специально приняв крайне изящную позу, удобную для чаепития, тянул время.

Непонимающие люди смотрели на его манеры, ошибочно полагая, что их ждёт изумительное рассуждение. Кто бы мог подумать, что князь сейчас «выжимает» мозг, думая, как лучше ответить.

На этот раз он снова оказался в трудном положении. Даже если не умрёт, по меньшей мере, потеряет как лицо, так и покой.

Был бы рядом Жун Тянь, то ни в коем случае не позволил бы так опозориться. Нет, если только бы здесь присутствовал Ле Чжунлю, то наверняка нашёл бы способ выручить его, князя Мина.

Мозг этого типа, Ле Чжунлю, прямо говоря, можно было сравнить с Чжугэ Ляном[11] по отношению к Лю Бэю[12]. Однако тому сильно повезло, во всяком случае у Чжугэ Ляна никогда не возникало дурацкой идеи отправить Лю Бэя в путешествие по всем странам...

А? Троецарствие?[13]

Содрогнувшись в душе, Фэн Мин смутно словно поймал что-то и тотчас же запустил большой двигатель. В Троецарствии наверняка был кто-то, кого постигла нехватка провианта, да?

— Князь Мин? — Хоть красивый князь внешне пребывал в спокойствии, вот только наслаждение маленькой чашечкой чая затянулось чересчур надолго?

— Подобная проблема в армии — важный вопрос, и у князя Мина, должно быть, превосходное мнение насчёт этого, можете дать совет? — Когда голос Чжуан Пу стих, белые и длинные пальцы Фэн Мина, всё время сжимавшие чашечку чая, наконец, разжались, ставя её на стол.

— У меня вовсе нет превосходного мнения. Но, — глаза Фэн Мина, ясно различающие, где правда, а где ложь, засияли подобно ярким звёздам, как будто вспыхнул безграничный боевой дух, — зато вспомнил одну историю, касаемую продовольственного дефицита.

Это выражение являлось скромными словами, которые сменялись, и каждый знал, что скоро Его Светлость начнёт делиться своей «мудростью».

На что Чжуан Пу приветливо заговорил:

— Князь Мин, прошу, говорите скорее, мне любопытно и не терпится узнать. — И мужчина с надеждой посмотрел на Фэн Мина.

Больше не желая опираться на подушку, Фэн Мин неспешно сел прямо и, потирая мочку уха, взглядом медленно окинул окружение, при этом отмечая про себя, что атмосфера перед шоу уже хорошенько подготовилась, и только тогда зазвучал низкий голос, излагая подробно, словно за волосинку в миг вытаскивая из воспоминаний рассказ:

— В давние времена был один генерал, который повёл войска в дальний поход и столкнулся с нехваткой продовольствия. Положение, угу, было подобно, как только что рассказали царствующий дядюшка Цин Чжан и Чжуан Пу, в пути запасов, что получили в селеньях, недоставало, и генерал, возглавляя войска, должен был выдержать этот отрезок времени.

Фэн Мин снова внимательно посмотрел на мужчин. Чжуан Пу и Цин Чжан превратились в слух, молча кивая и выражая понимание, не перебивая рассказ Его Светлости, чем создавали прекрасное настроение.

— Этот генерал, узнав плохие вести о провианте, очень встревожился. При одной неосторожности войска охватит смута, и начнётся восстание. К тому же он не желал отступить. Подумав сутки, он, наконец, придумал один способ. — Когда рассказ достиг этого места, внимание всех собравшихся стало ещё более сосредоточенным.

Фэн Мин совершенно ничего не смыслил в том, что касалось походов на войну и прочего военного искусства, но, когда дело доходило до историй, князь становился лучшим из рассказчиков, ведь в самом начале, как только он появился во дворце Силэй, перво-наперво попытался сблизиться с «животным по натуре» Жун Тянем посредством пересказа «Тысячи и одной ночи», только то «животное» не шло ни в какое сравнение с сидящими перед лицом мужчинами из тунской знати, которые, в свою очередь, являлись приятной публикой.

Затронув вскоре основную тему, Фэн Мин специально выдержал паузу, чтобы ещё больше разжечь у слушателей аппетит, и, выждав немного, продолжил:

— Генерал позвал военного, отвечающего за провиант в армии, и спросил его, на сколько дней ещё осталось зерна, на что тот ответил, что продовольствия... — «Ах, плохо дело, сколько же дней было указано в «Троецарствии»? Десять или всё же пятнадцать? Или вообще месяц?»

— Князь Мин, — Цин Чжан, думая, что князь вновь повесил интригу, в нетерпении спросил, — так на сколько, в конце концов, дней осталось зерна?

— Э... — Фэн Мин стиснул зубы: «Была не была! Во всяком случае никто из них не читал «Троецарствие», если я сказал несколько дней, значит несколько дней». И, обнажив изящную и тёплую улыбку, уверенно добавил: — На что тот ответил, что продовольствия осталось ещё на

десять дней. Выслушав его, генерал подумал-подумал и сказал военному: «Когда вернёшься, то черпай еду солдатам ложкой и замени большие ложки на маленькие.

Все изумились. Они думали, что Фэн Мин расскажет нечто хитрое, но кто бы мог подумать, что они услышат точно такую же историю, рассказанную недавно генералом Чжуаном, — оказывается, чтобы просто сэкономить зерно, нужно позволить солдатам ходить полуголодными — и невольно разочаровались.

Увидев их реакцию, Фэн Мин тотчас же пояснил:

— Я ещё не закончил. — И продолжил: — Этот ведающий провиантом военный был непоколебимо предан генералу и, едва услышав приказ, озвучил генералу своё мнение: «Если так сделать, солдаты могут поднять мятеж». На что генерал гордо ответил: «Не волнуйся, смело иди исполняй мой указ. Если поднимут мятеж, мы, естественно, найдём решение урегулировать всё». Ведающий провиантом военный послушал и тотчас же, следуя генеральскому приказу, поменял большие ложки на маленькие и каждый день, как и прежде, выдавал солдатам малую часть пайка, позволяя до этого вдоволь наедавшимся солдатам оставаться полуголодными.

Чжуан Пу со вздохом проговорил:

— Из-за подобного действительно может подняться мятеж. Только интересно, как тот генерал разрешит данную проблему. — Стоило генералу озвучить свои мысли, как все тотчас же встревожились и ещё больше сосредоточились на рассказе.

— Рядовые, увидев, что большие ложки ни с того ни с сего превратились в маленькие, заставляя терпеть голод, действительно подняли мятеж, ведающий провиантом военный был охвачен паникой, узнав об этом, и сразу вошёл в палатку доложить генералу: «Генерал! Генерал! Плохи дела, солдаты взбунтовались!» — подражая голосу ведающего провиантом, внезапно поднявшись на одну октаву, крикнул Фэн Мин, разрезая водную гладь, разлившуюся под ночным небом, причём сделал он это крайне правдоподобно.

Все вздрогнули. Охваченная дрожью Цю Син тихо прислонилась к стоящей рядом близняшке. Увлечённый до самозабвения рассказом Его Светлости Цин Чжан тоже испугался и поинтересовался:

— Прибыла ли к этому времени продовольственная помощь? — Всё же не являясь военачальником, Цин Чжан, если бы представил себя на месте Чжуан Пу, никогда не озвучил бы настолько позорного вопроса, да и потом, если бы прибыло продовольствие, тот генерал считался бы счастливым, а не искусным стратегом.

Его Светлость покачал головой, отклоняя догадку Чжуан Пу, замолк ненадолго, повернулся в сторону спокойной, словно уснувшей Оман-реке, и, вздохнув, прошептал:

— Выслушав доклад отвечающего за провиант военного, генерал поднялся и, чинно поприветствовав, искренне ответил: «У нас нехватка провианта, солдаты вот-вот поднимут мятеж, меня тревожит нынешняя обстановка, потому хочу обратиться к Вам с одной просьбой, благодаря которой можно будет уладить данное бедствие».

Все с нескрываемым любопытством ожидали продолжения, позади раздался лёгкий вздох, внезапно привлекая внимание Фэн Мина. Неужели... Ло Юнь так спешно догадался какое решение озвучит генерал? Когда он, князь, читал этот отрывок в «Троецарствии», то жутко испугался, а если бы попытался сам догадаться, к какому решению прибеж Цао Цао[14], то даже за тысячу лет не смог бы. А Ло Юнь не только предположил, к тому же так вздохнул, возможно, в душе он вовсе не был таким, как обычно казался — жестоким, бесчувственным и не обладающим даже каплей человечности.

— На что отвечающий за провиант военный спросил: «Генерал шутит, как генерал с моей помощью сможет усмирить мятеж? Генерал хочет что-то получить?» — Размышляя незаметно, Фэн Мин по-прежнему рассказывал историю: — На что генерал сказал: «Я хочу получить твою голову и только. Повешу её перед дверью в казармы, тем самым умирив настроение солдат», — проговорив это, князь затих, однако в воцарившейся тишине можно было услышать, как забились испуганные сердца присутствующих.

Близняшки тихо вскрикнули от ужаса, но спешно зажали ротик, обнажая в глазах панику и беспокойство. Цин Чжан вместе с Чжуаном Пу немного изменились в лице, но являясь, в конце концов, влиятельными фигурами, имеющими право казнить и миловать, они очень скоро осознали этот поистине отличный выход из создавшегося положения.

— Что было дальше, все уже догадались, — развёл руками Фэн Мин. — Генерал убил отвечающего за провиант военного, голову которого после приказал повесить над главным входом в лагерь, и сообщил солдатам, что отвечающий за провиант воровал продовольствие[15] и потому был казнён мудрым генералом. Солдаты, узнав об этом, стали порицать ни в чём не повинного, но уже мёртвого человека. Насчёт продовольственного дефицита, каждый из солдат, понимая, что нужно поголодать ещё несколько дней, дал понять, что может выдержать без еды, и они больше не поднимали мятежа. С помощью жизни одного отвечающего за провиант военного генеральская армия пережила крайне тяжёлые голодные дни и в конечном итоге выиграла сражение[16].

Закончив рассказ, Его Светлость протяжно, но с облегчением вздохнул:

— На этом всё. — И обвёл взглядом разные лица присутствующих.

Все на палубе пребывали в глубоком молчании. Спустя очень длительное время Чжуан Пу вздохнул, восхищаясь:

— Такой искусный замысел пресёк мятеж солдат и успокоил настроение людей, не расскажи о нём князь Мин, я никогда в жизни не додумался бы о подобном, оказывается, мои три метода — дешёвые методы, используемые простыми рядовыми генералами, не более. Превосходное

мнение князя Мина, во всяком случае, преподало мне урок сегодня.

— Это не моё мнение, — категорично заявил Фэн Мин, — это лишь один из рассказов, и только.

На что Чжуан Пу неожиданно одарил Его Светлость взглядом:

— Неужели князь Мин помимо этого знает более замечательные способы?

— Да где уж там мне знать о них? — рассмеялся он, откровенно качая головой. — Сказать по правде, окажись я на месте генерала и если столкнулся бы с нехваткой продовольствия, то по большей части стал бы действовать согласно Вашему, генерал Чжуан, методу. К только что рассказанному мною способу я бы ни в коем случае не стал прибегать.

Чжуан Пу понял и, выслушав эту историю, стал крайне уважительно относиться к Фэн Мину, ну а после искренне отозвался:

— Князь Мин мягкосердечен, но следует иметь в виду, когда ведёшь войска на войну, с обычным или иным мнением, во всяком случае, никто не станет жертвовать жизнью, ну а во время мятежа погибнут ещё больше солдат. Генералу придётся что-то выбрать — или пожертвовать жизнью одного отвечающего за провиант военного, или пожертвовать бесчисленным войском. При наличии плана, даже несмотря на жалость, всё же необходимо воспользоваться нужным вариантом, когда придёт время.

Фэн Мин, горько улыбнувшись, проговорил:

— Поэтому я совершенно не подхожу на роль генерала войск, — тон звучал мягко, однако в нём слышались звонкие и ясные нотки решительности.

Фигура сидящего там молодого человека, Фэн Мина, вытянулась как струна, заслоня позади себя едва различимый берег и поверхность реки Оман, более того, на короткое время промелькнули стойкость и непоколебимость Его Светлости, коих обычно редко можно было увидеть.

Ло Юнь, услышав, что сказал князь, какое-то время блестящими глазами смотрел на его силуэт, после чего опустил голову, полностью погружаясь в раздумья.

Цю Юэ, как и другие, в большей степени были покорены мощью князя Мина и, с восхищением глядя на него, беспрестанно одаривали благоговейными взглядами.

— Ха-ха, ха-ха! — «фирменный» хохот Цин Чжана вновь эхом прокатился по палубе. Он, хлопая в ладоши и громко смеясь, поднялся на ноги: — Рассказ князя Мина и впрямь замечательный, когда вернёмся в Тунцзэ, я хочу, чтобы все приближённые услышали эту историю. Время уже позднее, разбавив сегодняшний вечер отличной историей, этот царствующий дядюшка более

чем доволен, потому больше не смеет тревожить покой Вашей Светлости, но сначала распрощается.

Князь вздохнул, понимая, что это проклятое «шоу вопросов на военную тематику» в итоге с трудом, но прошёл, и, спешно поднявшись, решил проводить гостей.

Чжуан Пу, естественно, долго не задерживаясь, вместе с Цин Чжаном покинул джонку Его Светлости. Пересев в маленькую лодочку, двое мужчин взяли с собой лишь нескольких приближённых.

Близняшки восторженно закричали и, окружив князя Мина, очень сильно стали нахваливать:

— Князь Мин действительно выдающийся, одним рассказом ошарашили этих двоих.

— Когда князь Мин сказал, обращаясь к генералу Чжуану, что ни в коем случае не стал бы прибегать к подобному методу, и впрямь очень замечательно!

Цю Лань хоть и хранила молчание, однако, стоя в стороне, тоже непрерывно кивала. Даже её супруг, Жун Ху, подойдя, шепнул:

— Рассказанная сегодня князем Мином история заставила о многом задуматься. Я поначалу волновался, что князь Мин окажется в затруднительном положении из-за них, ещё думал вставить слово, дабы прервать беседу, искал удобного случая, позволяя князю Мину избежать подобного разговора, но, к счастью, не стал действовать необдуманно.

— Я тоже вскоре неожиданно вспомнил об этом... — объяснения Фэн Мина бесполезны, потому ему только и оставалось, что продолжать лить мёд^[17] им в уши, ну, а слушая красивые возгласы своих слуг, князь, словно луна, окружённая звёздами^[18], добрался до своих покоев, где мог спокойно отдохнуть.

Лишь Ло Юнь, храня молчание, недовольно следовал позади свиты Его Светлости.

Примечания:

[1] 豆腐 (dòufu) — соевый творог, бобовый сыр, доуфу, яп. тофу, кор. тубу. В разогретое масло добавляется дофу, обжаривается с двух сторон, вынимается, затем в вок добавляется масло, зеленый лук, чеснок и бобовый соус чили, паста из соевых бобов, вода, но можно бульон, далее прибавляется перец чили, сахар, светлый соевый соус, затем обжаренный дофу, темный соевый соус, затем зеленый лук (нашинкованные перья).

[2] Боги-хранители входа. Изображения двух божеств, по одному на каждой створке ворот; по суеверию, они охраняют дом от нечистой силы и всякого зла.

[3] Также фраза «подложить под голову высокую подушку» образно означает «пребывать в беззаботном состоянии».

[4] 出山 (chūshān) — чушань — досл. спуститься с гор, обр. приезжать из захолустья, приезжать из глухой деревни; «выходить из гор» обр. возвращаться в мир (об отшельнике); возвратиться из отставки.

[5] Обр. льстить, заискивать, подхалимничать.

[6] Фэн Мин говорит, что может опозорить два своих титула.

[7] В оригинале фраза звучит как «лёгкие облака и ветерок», обр. о хорошей (солнечной) погоде); также «невозмутимо, спокойно».

[8] 驚魂 (jīng hún\sǔn) переводится как «испуганный сокол».

[9] Хлебная джонка применялась для перевозки хлебного налога по Великому каналу, также её использовали для поставки продовольствия как армии, так и населению, страдающему голодом или нехваткой зерна.

[10] «180 тысяч ли» — обр. в знач.: очень далеко, очень давно.

[11] Чжугэ Лян (181-234) — герой классического романа «Троецарствие», полководец, государственный деятель царства Шу. Также имя стало нарицательным и означает «мудрец», «стратег».

[12] Один из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия, основатель царства Шу.

[13] Троецарствие (220 — 280 гг.) — борьба и противостояние между тремя различными государствами Китая — Вэй (魏), У (吳) и Шу (蜀).

[14] Фэн Мин рассказывал историю из 17-ой главы «Троецарствия», в которой как раз и говорилось о Цао Цао и Жэнь Цзюне, которые решали проблему продовольственного кризиса.

[15] Отрывок из главы: «Ван Хоу при выдаче провианта пользовался малой мерой и таким образом обкрадывал наших воинов, за это, согласно военным законам, он казнен...»

[16] Не совсем так, Фэн Мин утаил приказ Цао Цао, который гласил: если в течение трех дней город не будет взят, все военачальники поплотятся головой.

[17] Тонко льстить сладкими словами.

[18] В оригинале фраза звучит как «[как] звёзды вокруг луны», обр. в знач.: быть центром всеобщего внимания, являться кумиром публики.

<http://bllate.org/book/13377/1190234>